

О. В. Горохова

ДЕТСКОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой культурологии и журналистики
Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.
Научный руководитель – доктор искусствоведения профессор Т. С. Злотникова*

Статья посвящена детскости, которая интерпретируется как один из сущностных (вневозрастных) признаков творческой личности. Детскость – общекультурный феномен – способность к неожиданным интенциям и свободе самоактуализации; детскость, востребованная в редуцированном варианте, – феномен массовой культуры и массового сознания – инфантильность и творческая пассивность.

Ключевые слова: *детскость, творческая личность, детство, архетип, массовая культура, инфантилизм.*

О. Gorokhova

CHILDNESS OF A CREATIVE PERSON IN RUSSIAN CULTURE OF THE 20th CENTURY

The article is dedicated to childness that is interpreted as one of the crucial and age-free components of a creative person. Childness as a cultural phenomenon is an ability to be free and unexpected in one's self-actualisation and intentions; a reduced variant of childness as a phenomenon of mass culture and mass consciousness is infantilism and non-creative passivity.

Key words: *childness, creative person, childhood, archetype, mass culture, infantilism.*

«Ища в нынешней Гончаровой, идите в ее детство, если можете – в младенчество. Там – корни», – писала М. Цветаева в своем очерке, посвященном художнице Н. Гончаровой [5, с. 119]. В психологии и физиологии детство трактуется как один из этапов онто-

генеза, определяемый конкретными возрастными рамками. В традиционном культурологическом дискурсе феномен детства, к которому апеллирует поэт, не ограничивается физиологическими коннотациями, но может быть интерпретирован как неотъемлемая и

вневозрастная компонента личностной парадигмы человека прежде всего – творца.

По мнению К. Юнга, свойства ребенка архетипически присущи каждой личности. Архетип – «это некие очертания демона, человека или процесса, которые постоянно возрождаются в ходе истории и возникают там, где творческая фантазия свободно себя выражает» [7, с. 26]. Архетип ребенка (в определении Юнга – «божественного ребенка») характеризуется неожиданностью и спонтанностью проявлений, предстает предвестником грядущих изменений личности и обладает компенсаторным эффектом, сглаживающим противоречия психики. Это носитель и «делатель целого» [8, с. 361], способствующий обретению Самости.

В этом контексте названный архетип мы соотносим с теорией Э. Берна, который выстраивал модель личности из трех составляющих – Взрослый, Родитель и Ребенок [1]. Каждая из них специфична и выполняет функции на уровне внутриличностных и межличностных интеракций: так, Ребенок – это образ детства, предельно конкретный для каждого человека, а также источник спонтанных побуждений и радости, интуиции и творчества. Именно Ребенок способен понимать и видеть то, что не понимает и не видит ни суровый Родитель, ни уравновешенный Взрослый. Развивая мысль Берна, мы утверждаем, что для взрослого человека сохранить в себе Ребенка означает сохранить своеобразие и креативность своей личности.

Ребенок мыслится в теории Ф. Ницше, развивающей идею сверхчеловека, не просто как образец свободного творчества и неординарного мировидения, но как высшая ступень творческого самосовершенствования [2, с. 24]. Ребенок – это последняя стадия «превращения духа», чистота и «невинность» которого означает свободу от любых норм и ценностей и подразумевает бесконечную вариативность самоактуализации.

Как известно, в детском сознании свойства спонтанности, целостности и креативности выражены наиболее ярко и естественно – и именно они способствуют обретению ребенком знаний о мире. В качестве примера

можно привести языковую интуицию (чувство слова), которую описал в своей книге «От двух до пяти» К. Чуковский. «Мазелин», «отскорлупать яйцо», «начаепиться» [6, с. 31–32] – все эти примеры свидетельствуют о тонком ощущении слова, улавливании смысловых оттенков и интуитивном понимании грамматических особенностей языка. Одновременно словесные оговорки и «придумки» – это инвариант творческой деятельности, которая в детстве характеризуется многовекторностью проявлений: дети любят и рисование, и лепку, и танец, и музыку, и сочинительство. Даже обыденная детская игра обладает признаками творчества: по мнению З. Фрейда, играющие дети сродни художникам, так как они создают свой собственный, аналогичный «художественному» мир и воспринимают его с большой долей серьезности и искренности, вкладывая в свою игру всю страсть, на которую они способны [4, с. 131].

Особого внимания исследователей требует творчество одаренных детей, которое, помимо упомянутых выше серьезности, страстности и искренности, аккумулирует в себе интуитивное постижение памяти поколений и глубокую – часто не сознаваемую – рефлексию. В рисунках и стихах повторяются экзистенциальные мотивы одиночества, смерти и войны, в них соединяются удивленный детский взгляд на мир и взрослый уровень осмысления и образного воплощения. Репрезентативными примерами сверходаренности являются рисунки Нади Рушевой, творческая эволюция которой оборвалась ранней смертью, и стихи Ники Турбиной, которые внезапно иссякли, когда Ника «переросла» свое детство.

Существует теория, согласно которой ребенка с его тягой к изобретательству, изначальной свободой незнания, непостижимой интуицией и раскрепощенностью мышления и воображения можно рассматривать как модель творческой личности. Поэтому для взрослого человека сохранение в себе детства, что можно обозначить как *детскость* личности, предопределяет возможность и вероятность творчества. *Детскость* – это свобода от стереотипов и норм взрослости,

свобода самовыражения. Это способность удивляться миру и видеть в привычном неожиданные и над-обыденные смыслы, способность к игре. *Детскость* можно дефинировать как один из существенных признаков творческой личности.

Так, на основе архетипического анализа «Повести о Сонечке» М. Цветаевой мы обнаружили, что заглавная героиня произведения, являясь alter ego автора, актуализирует свойства сверхчувствительности, ранимости, слабости, «маленькости», неординарности и воплощает образ женщины-ребенка. Фактически Цветаева наделяет героиню чертами собственной натуры и передает ее монологи предельно похожими на свои в синтаксическом и содержательном планах. *Детскость* М. Цветаевой проявлялась на творческом уровне (игра со словами и смыслами, неожиданность ассоциаций, нетривиальность мировосприятия) и на бытовом (крайняя беспомощность в хозяйственных делах, бескомпромиссность в отношениях, необходимость опоры). *Детскость* стала для поэта не просто архетипом творчества, но архетипом судьбы.

В контексте массовой культуры *детскость* оказывается востребованной в своем инфантильном, даже физиологическом варианте. Присущий детям эгоцентризм оборачивается агрессией массы, толпы, навязывающей индивидам стереотипы и нормы поведения и мышления. По нашим наблюдениям, эгоцентрическая речь [3], свойственная детям на ранних этапах вербального развития и не ориентированная на диалог с миром, находит яркое выражение в современном шоу-бизнесе: коллективный монолог – в ток-шоу, где все говорят, но не стремятся услышать друг друга; эхολалия (повторение) в эстрадных песнях, основанных на многократном и навязчивом повторении одного и того же фрагмента. Способность детей к бинаризации мира в процессе фантазирования в полной мере реализуется в виртуальных технологиях, симулятивно подменяющих реальность.

Инфантилизм массовой культуры проявляется на уровне имен (прежде всего – эстрадных исполнителей и ведущих). В шоу-

бизнесе происходит два процесса, связанных с именем.

Первый процесс – это деонтологизация имени, т. е. утрата сигнификата, смысла, в результате чего имя как знак сводится к денотату. Имя становится своего рода торговой маркой: его можно купить, продать, взять в аренду (например, на время заключения договора между певцом и его продюсером), отсудить в суде. Теоретически сценическое имя можно «отнять» у одного исполнителя и отдать другому. Так рождается известный механизм сериальной продукции, основанный на том, что в течение «сериального» времени одного персонажа играют два актера («Санта Барбара»). Характерна ситуация начала 1990 г., когда под именем Юры Шатунова выступали с концертами десятки «Юр Шатуновых» – специально отобранных мальчиков с похожей внешностью. Фактически осуществляется клонирование денотата (сценического образа) в пределах одного знака (имени). Подобное клонирование происходит и в музыкальных коллективах, состав которых часто меняется. Но эти изменения не заметны публике, так как имя коллектива – это клишированный образ, в который новый участник должен вписаться, не искажая его своей индивидуальностью.

Второй процесс можно обозначить как инфантилизацию имен, которая отражает более глобальный процесс – инфантилизацию сознания. Современная массовая культура выработала устоявшиеся модели поведения и творческой деятельности, своеобразные схемы, в которые вписываются все новые имена. Чаще всего кратковременная популярность эстрадных исполнителей обусловлена не их талантом или харизматичностью, а наличием в сознании реципиентов данных схем.

Основанная на эксплуатации *детскости* схема формирования представлений о «творческой личности» в контексте шоу-бизнеса стала весьма востребованной, так как, во-первых, она умиляет и пробуждает эмоциональность в публике (одно из важных качеств человека массы), во-вторых, создает иллюзию непосредственности, креативности и позитива персонажа-«творца». Первосте-

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

пенной компонентой этой схемы является имя, которое презентуется в уменьшительной либо панибратской форме (Юля Савичева, Верка Сердючка, Стас Пьеха, Наташа Королева). Инфантированное имя взрослых исполнителей коннотативно детерминирует сценический образ и репертуар.

Таким образом, если детство трактуется не просто как определенный этап онтогенеза, но как сущностная и, по мнению К. Юнга и Ф. Ницше, совершенная часть человеческого

«Я», – то сохранение взрослой личностью свойств, присущих детству, или *детскость*, предопределяет сохранение креативных возможностей и непосредственности мировосприятия, являясь признаком творческой личности. Массовой культурой *детскость*, подразумевающая свободу от стереотипов и примат личностного начала, не востребована, зато актуализирован *инфантилизм* – черта массового сознания и механизм взаимодействия массовой культуры и ее потребителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб.: Лениздат, 1992. 400 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб.: Азбука-классика, 2007. 336 с.
3. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб.: Союз, 1997. 256 с.
4. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.
5. Цветаева М. И. Избранные произведения. М.–Л., 1965. 810 с.
6. Чуковский К. И. От двух до пяти: книга для родителей. М.: Педагогика, 1990. 381 с.
7. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.–Киев: Совершенство – Port-Royal, 1997. 384 с.
8. Юнг К. Божественный ребенок. М.: Олимп; Издательство АСТ-ЛТД, 1997. 400с.